

Г. А. Баева

Санкт-Петербургский государственный университет

К СТАНОВЛЕНИЮ ТИПА ТЕКСТА «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛЕКЦИЯ» В ГЕРМАНИИ

Статья посвящена начальному периоду (XVI—XVII вв.) формирования немецкого языка как языка науки и университетского обучения, который приходит на смену латинскому языку, долгие годы определявшему научный и учебный дискурс Германии. На примере университетских ученых (Парацельса, Томазиуса и др.), которые в числе первых создали прецедент чтения лекций в университетской аудитории на родном немецком языке, показан сложный и неоднозначный путь перехода не только к новому языку обучения (немецкому), но и к процессу трансформации общественного мнения о назначении образования и роли родного языка в формировании научного дискурса той или иной науки. Переключение и переход от общей книжной латинской учености (*Buchgelehrsamkeit*) к целесообразности (*Nützlichkeit*) имел объективные и субъективные причины, подразумевал, помимо прочего, обмен двумя разными стилями мышления и предполагал промежуточный период (*deutsch-lateinische Mischsprache*), при котором происходит смешение языков: менее фиксированный, просторечный или разговорный немецкий язык соединялся с образцами известной специализированной латинской лексики. На основе «двуязычия» говорящего и слушателей немецкий язык приобретал в этом случае особую регулируемую смешанную форму. Написанные или произнесенные на латинском языке части вставляются в текст как каркас и относятся к «научной культуре» (*scientia*), в то время как текст на немецком языке фиксирует повседневные знания, полученные опытным практическим путем (*kunst*). Постепенно к чисто языковым проблемам распространения немецкого языка в академической и научной сферах присоединяются патриотические и социально-политические призывы к возвышению немецкого языка до уровня национального, своего рода призывы к национализации письменной и устной публичной речи. Многоаспектный и постепенный переход от латинского, частично через влияние французского языка, на немецкий язык и его распространение и закрепление в академической сфере занял в общей сложности около 300 лет.

Ключевые слова: университет; лекция; научный язык; латынь; диглоссия

Latein ich vor geschriben hab,
das war eim yeden nit bekandt.
yetzt schrey ich an das vatterlandt
Teütsch nation in ihrer sprach,
zu bringen dißen dingen nach

Ulrich von Hutten, 1521

1. Введение

В словах Ульриха фон Гуттена, вынесенных в качестве эпиграфа к статье, чувствуется отчаянная радость и надежда на будущее немецкого языка, который уже вошел во многие сферы жизни общества, исключая академическую. Пройдет еще много лет, прежде чем эту радость и гордость за немецкий язык смогут разделить и университетские ученые, ибо в течение нескольких столетий после образования университетов в академической сфере в Германии доминировал латинский язык как отличительный признак учености. Латынь как культурная монополия и опосредованная форма схоластической традиции отражала претензию на авторитетность, которая оказала значительное влияние на понимание науки (PRINZ 2021a; PRINZ 2021b). Образовательную концепцию *septem artes liberales*, заимствованную из римской культуры, можно охарактеризовать как формирующую систему образования западной культуры Средневековья и раннего Нового времени. Со времен Средневековья в соответствии с имперским законом о языках официальными языками в немецкоязычных землях были немецкий и латынь (POLENZ 1994: 51–57). Это правило распространялось на императора и на княжеские дворы, на систему обучения и образования в целом. Важнейшим условием поступления в университет было владение латинским языком, который даже после Реформации оставался единственным языком, на котором как католики, так и протестанты могли получить дальнейшее образование, несмотря на то, что в университетах существовала многоуровневая структура общения, которую Юрген Шиве описывает как «от устного разговорного до письменного, от административного до научного, от устной разговорной речи до экзаменационной» (SCHIEWE 1996: 83).

2. Collegium, Lection & Vorlesung

На первый взгляд кажется, что мало что связывает сегодняшний университет с его средневековым происхождением, учитывая многочисленные структурные изменения и научные «революции», которые влияли и влияют на него, и вряд ли можно согласиться с Кларком в том, что «лекция осталась скорее той же, чем изменилась со времен Схоластики» («the lecture has remained more the same than it has changed since the Scholastics») (CLARK 2006: 68). Тем не менее во все времена и сегодня по большинству предметов лекция выступает как «типичная форма обучения в университете» (APEL 1999: 7), как «парадигматическая форма университетского преподавания» (STICHWEN 2013: 205).

В современной академической университетской практике лекция — достаточно камерный жанр, который меняется в зависимости от субъективных и объективных факторов, учебного плана, формируемых компетенций, темы лекции, аудитории и, наконец, настроения лектора, его харизмы в диапазоне от монотонного прочтения заготовленного текста до свободной лекции-импровизации и дискуссии. Лекция — это жанр, в рамках которого осуществляется публичное, как правило, заранее подготовленное общение широко информированного в конкретной исследовательской области адресанта с групповым адресатом, целью которого является устно-вербальный трансфер научных знаний. К важным характеристиками жанра лекции относились и относятся такие как публичность, официальность, асимметрия коммуникативных ролей адресанта и адресата, информативность общения, совмещение устного и письменного модусов, временная заданность, применение стратегий управления вниманием (через использование средств адресованности и средств организации изложения) и т. п. (БУРМАКИНА 2013; ТАЛАНИНА 2021).

Существует традиция концептуализировать академическую лекцию как академический эквивалент проповеди, учитывая ее акроматический характер. Кларк, например, предлагает описывать лекции и диспуты по модели проповедей и турниров, указывая, что оба формата обучения воплощают «разные аспекты академической харизмы» (different aspects of academic charisma) (CLARK 2006: 68). Такая характеристика поначалу кажется весь-

ма привлекательной, даже если академическая лекция с точки зрения истории термина тесно связана с богослужебным чтением. Однако гомилетическая интерпретация лекции не должна затемнять разнообразие реальных учебных мероприятий, которые, например, сильно различаются между концептуально устной и письменной формой. В лекции по-разному сочетают письменные, задуманные части, со свободно импровизированными. Отношения между ними могут также сильно различаться от человека к человеку и в зависимости от образования, воспитания и самой лекционной дисциплины.

Исторически университетская лекция базируется на так называемой кафедральной лекции (*Kathedervortrag*) в смысле произнесения ее за кафедрой (как в соборе, так и в студенческой аудитории) и описывается как монологическая, то есть как «связная речь» без смены говорящего (*zusammenhängende Rede ohne Sprecherwechsel*) (HARMS 1885: 72).

В истории немецких университетов, как уже отмечалось, первоначально основанных на латино-ориентированном преподавании, для обозначения лекции особенно часто использовались лексемы *collegium*, *Lectio* и *Vorlesung*, первые из которых в *Лексиконе* Цедлера (1730/40) трактуются следующим образом:

collegium 3 ‚Lesung eines Professors zum Nutzen der Studenten‘ ↔ *collegium* 2 ‚Kolleggebäude‘.

Lectio 1 ‚Unterweisung eines Schülers in Künsten und Wissenschaft‘ ↔ *Lectio* 2 ‚Lesung der Hl. Schrift‘ (ZEDLER: URL).¹

Понятие лекция (*Vorlesung*) определяется там же через *collegium*, lat. *praelēctio* как публичное академическое наставление / инструкция («öffentliche akademische Unterweisung») (*ibid.*).

В словаре Аделунга позднее дается схожая трактовка *Vorlesung* (ADELUNG 1780, IV: Sp. 1666f.).

Немецкое существительное *Vorlesung*, сохраняющее свою внутреннюю форму и в современном языке, первоначально обозначало, как указывают исследователи, чтение вслух текстовых фрагментов из определенного учебника, а не чтение подготовленной рукописи; ср., например, в (THOLUK 1853: 88; HARMS 1885:

¹ <http://www.zedler-lexikon.de/index.html>.

70). В основе разнообразия обозначений Collegium, Lektion, Vorlesung, как оказалось, лежало прежде всего противопоставление публичного и частного преподавания в период раннего Нового времени. В то время как публичные лекции, как правило, проводились бесплатно профессорами (*ordinarii*) в рамках служебных обязательств по преподаванию, вытекающих из их базового жалования, были еще и платные и менее строго регулируемые частные коллегии /лекции, осуществляемые частными лекторами в академических целях. Штарк называет это явление «рынком учености» («Markt der Gelehrsamkeit») (STARK 1992: 544). Эта форма частного преподавания привела к экономизации лекционной системы раннего Нового времени и в то же время открывала путь к научным и дидактическим инновациям; ср.: (BRUNING 2011: 286). С конца XVII в. слово *collegium* стало в значительной степени взаимозаменяемо с *lectio* 'лекция' (HORN 1897: 17–22).

3. Научные языки латынь или немецкий: за и против

Нельзя сказать, что к моменту появления университетов немецкий язык был не готов к своей миссии для выполнения академических задач. Хотя в конце XIII в. Бертольд Регенсбургский в своих проповедях и противопоставляет немецкий и латинский как языки разных сословий: «Необразованные люди должны учить молитву по-немецки, а образованные — по-книжному» (*die ungelêrten liute den glauben in tiusche lernen unde die gelêr in buchischem*) (BERTHOLD 1862: 443), т. е., очевидно, латыни, но начиная с XV в., в Германии несмотря на значительное количество сфер влияния латинского языка постепенно расширяется значимость использования немецкого языка. Благодаря изобретению книгопечатания в середине XV в., Реформации и деятельности Лютера немецкий язык «встал» в один ряд с «высокими» языками, на которых можно было вести обучение в школах дополнительно к трем священным языкам: в начальных школах для широкой публики разного возраст, в которых наряду со счетом и основами Закона Божьего обучали читать, писать и петь молитвы на немецком языке, в отличие от «латинских школ», где будущих церковных клириков учили основам латыни, чтобы «они могли осознанно и правильно произносить слова песнопений и молитв» (LORENZEN 1957: 32; ТАЦЕНКО 1986: 23).

Новое положение немецкого языка в обществе и новые сферы его использования показали его территориально-диалектную неоднородность и выдвинули на передний план задачи по совершенствованию орфографии и стилистических средств, которые становятся исходными моментами при формировании правил и могли бы внедряться в начале в двух сферах: в деловом языке городских канцелярий и в школьном обучении. Назревала необходимость не только осмыслить родной язык, но одновременно дать параллельно и инструментарий для обучения этим средствам. Происходило это в разных частях Германии по-разному, но толчком явилась деятельность Лютера и его сторонников (KLEIN 2010: 473).

Первые учебные пособия по немецкому языку, например, изданные в одной книге в 1531 г. *Orthographia* и *Ein Cantzley und Titel buchlin* магистра и учителя Ф. Франка (Fabian Frangk), характеризуются «не только уровнем анализа языковых форм, но и глубиной характеристики современной языковой ситуации» (ГУХМАН и др. 1984: 46). В. Икельзамер ставит немецкий в один ряд с латинским, греческим, древнееврейским и другими общепризнанными языками, вводит понятие родного языка (*Muttersprache*) и требует его ценить:

Denn so wir ansehen den emssigen vleis / so die Latiner allein / jnn jrer zungen fůrgewandt / vnd unsern vnuleis / bey der vnsern / da gegen stellen / solten wir billich schamrot werden / das wir so ganz ablessig vnd sewmig sein / Unser edle sprach so vnwert und verachtlich halten) (ICKELSAMER 1527: 93). Ибо мы относимся с большим прилежанием к латинскому языку и, напротив, небрежно к своему языку, нужно стыдиться, что мы так ленивы и не ценим наш благородный язык.

Он считает позорным незнание родного языка:

Ja billich ist es allen Teůtschen ain schand und spott / das sy anderer sprachen maister wollen sein / und haben jre aigne angeborne muter sprach noch nye gelernet (ibid: 131). Ведь просто стыдно и позорно для всех немцев, что они хотят овладеть другими языками, но до сих пор никогда не изучали свой исконный родной язык.

Почти одновременно с необходимостью овладевать родным языком появляется критика методических приемов обучения,

которая на протяжении столетий звучит все громче (БАЕВА 2022). Так, например, К. Хойн в своих *Доверительных письмах* рассуждает о том, что молодое поколение может испугать «пыльная пустыня старой учености» (HEUN 1792: 135), к которой он относит вынужденную зубрежку грамматики и слов (школьный метод) и считает это старой франкской методикой («altfränkischen Lehrmethode») (ibid.: 145). Хойн призывает к ее упразднению и выступает за реформы «сверху» в школьном и университетском образовании для придания наукам «обновленного облика» («ein neueres Gewand»):

Ist eine Reform nöthig, so fange sie von oben an; man richte die Lehrmethode auf den Universitäten anders ein, man gebe dort den Wissenschaften ein neueres Gewand, so wird sich von selbst der Schulunterricht umformen, und die Schuler von selbst die kostbare Zeit zweckmäßiger anwenden, und mehrere reellere Vorerkenntnis-se auf die Akademie bringen (ibid.: 145).

Как приговор звучат слова, осуждающие ведение учебного процесса на латинском языке; автор предлагает заменить мертвые языки на другой язык, доступный ученым всех национальностей, однако немецкий в связи с этим не упоминается:

So lange aber unsere Compendia noch lateinisch geschrieben werden, so lange noch für den Juristen das Corpus juris romani die Urquelle aller Weisheit bleibt, so lange noch lateinisch examinirt und disputirt wird, so lange unsere gute alte lateinische und griechische Litteratur noch den Werth vor der neueren behält, <...> so lange die todten Sprachen nicht eine ausschließende Wissenschaft für den Philologen und den würllichen Litterator ausmachen, und so lange wir an der Stelle der lateinischen Sprache noch keine andere haben, die für die Gelehrten aller Nationen eine allgemeine genannt werden darf, so lange erkläre ich den Jungling nicht für Heuns Briefe (ibid.: 145).

Задаваясь вопросом «Почему все меньше умных молодых людей идут в университет?», Хойн считает, что это связано частично с плохой подготовкой в школе: («die jungen Leute ohne gehörige Sprach, und andere Vorkenntnisse die Schule verlassen läßt»), частично с тем фактом, что молодые люди еще не созрели к «чести быть студентами» («zu dieser Würde») и их зачисление должно происходить только после того, как они выдержат сложный экзамен «по существу дела» («nach Verhältniß der

Sache») с полным удовлетворением экзаменатора (ibid.: 149).

Наконец, дело доходит до немецкого языка. Автор считает, что для всех обучающихся занятия должны проводиться на немецком языке, и это должно быть задумано уже в самом начале воспитания (дома и в школе), ибо часто студенты не могут написать сочинение на родном языке из шести строк, не сделав три-четыре ошибки:

Allen Studierenden gemein seyn muß, nemlich des Unterrichts in der deutschen Sprache, Freylich sollte man bey der ersten Erziehung der Jugend schon bedacht seyn, die Richtigkeit unsrer Muttersprache jeden Deutschen zu lehren , aber die Erfahrung lehrt leider täglich , wie weit unsere Schulen in diesem Punkte noch zuruck sind. Noch kommen zu dem Anfang eines jeden Halbjahrs Jünglinge von den ersten unsrer Schulen auf die Akademie, die keinen Aufsatz von sechs Zeilen , ohne drey bis vier Fehler machen können (HEUN 1792: 150).

Хойн сетует на незнание студентами немецкой грамматики, орфографии и на отсутствие прозрачности и ясности в изложении (ibid.).

Призывом к «собственному благополучию» является указание на то, чтобы обучающиеся рассматривали свой родной язык как одно из важнейших средств общения, под которым он понимает искусство устного и письменного изложения («Vortrag»), уповая на то, что революции великих народов совершались благодаря воздействию великолепных речей или хорошо написанных сочинений:

Ich verstehe hier die Kunst des mundlichen und schriftlichen Vortrags, und die Geschichte aller Jahrhunderte zeigt uns mehrere Beyspiele, wo Revolutionen großer Völker Wirkungen einer schonen Rede oder eines hinreißend gut geschriebenen Aufsatzes war (ibid.: 151).

В обширном историческом труде *Die Geschichte der deutschen Universitäten* Г. Кауфманн указывает, что его цель не только показать историю отдельных университетов, но и продемонстрировать результаты воздействия их деятельности на общество, образование и науку (KAUFMANN 1898: V). После обстоятельного знакомства с двадцатью немецкими университетами автор подробно останавливается на организации университетов, структуре, уставах, взаимоотношении с государством и церковью, оснащении,

уделяя внимание как университетам в целом, так и отдельным факультетам. В главе «Die Sorge der Fakultät für die Vorlesung» подробно описываются типы лекций, названные по-латыни: «de lectiones ad formam spectantes oder pertinentes, lectiones formales, lectiones pro forma, lectiones ordinariire...» (ibid.: 323). Далее указывается, что все лекции и практические занятия проводились с помощью книг («Alle Vorlesungen und Übungen wurden über Bücher gehalten und statt Vorlesungen verteilen, sagte man auch Bücher verteilen») (ibid.: 342), которые распределялись преподавателем среди студентов по жребию («durch das Los verteilt»). Важным является заявление о том, что все общение между студентами и преподавателями на лекциях и практических занятиях (Repetitionen) должно проходить на живом языке, что требует достаточного знания латинского разговорного языка (ibid.: 305).

Как уже отмечалось, расширению сферы действия немецкого языка способствовали и литература, и многочисленные попытки переводов Библии от И. Ментелина в 1466 г. до перевода Лютера в 1522 г. Известно, что в период с 1467 по 1600 гг. было издано более 800 немецких словарей всех видов; ср. (GIERL 2012: стб. 87; NODERMAN 1891). Все это приводило к определенной стандартизации языка.

Многие деятели, ратовавшие за примирение латыни и немецкого и за возвышение последнего, сами для популяризации своего творчества писали на латыни. Это, например, касается и М. Лютера. Его знаменитые 95 тезисов, всколыхнувшие религиозную, политическую и культурную жизнь немецкоязычных территорий, были первоначально в 1517 г. опубликованы на латыни, как и его другие многочисленные работы, что четко указывает на предполагаемого адресата (WEIMAR 1989: 14–19; SCHIEWE 1996 : 90; КОСН 2008: 86).

Отдельные примеры точечного использования немецкого языка в университетских лекциях датируются началом XVI в. В монографиях и учебниках по истории немецкого языка приводится список, включающий фамилии от 20 до 27 профессоров, читавших лекции по различным предметам (теологии, истории, филологии, математике и др.) на немецком языке в период с 1507 по 1700 гг. Открывает этот список Т. Хеверлинг (Tilemann

Neverlingh), который в 1501 г. в Ростоке прочитал на немецком языке лекцию о сатирах Ювенала; далее следуют имена Т. Мурнера (Базель, 1518/1519) и Парацельса (Базель, 1527) (WEIMAR 1989: 30; SCHIEWE 1996; POLENZ 1994: 203).

Самым ярким, хрестоматийным примером использования немецкого языка в университетской практике этого времени является деятельность врача Парацельса (Philippus Aureolus Theophrastus Bombastus von Hohenheim, *1493/1494 — †1541), который вошел в историю науки как реформатор медицинской практики и теории, врач, алхимик, создатель химических препаратов и естествоиспытатель. Среди его несомненных научных достижений следует учитывать и его вклад в популяризацию и распространение немецкого языка как языка науки.

Одним из первых Парацельс стал использовать немецкий язык в практике обучения, осмелившись в 1527/1528 уч. г. в университете г. Базель без позволения вышестоящего начальства прочитать лекции «на языке слуг и служанок» на занятиях по прикладной медицине *chirurgia vulnereum*, бросив тем самым вызов университетской традиции, обязывавшей преподавать исключительно на латыни. Его лекции в отличие от лекционной практики коллег не были простым повторением мнений авторитетов Галена, Гиппократы и Авиценны, изложение постулатов которых являлось единственным занятием профессоров медицины того времени. Использование в лекциях и трудах немецкого языка Парацельс объяснял не только практическими целями («лечить по-немецки»), но и желанием показать, что означает быть врачом и сделать это по-немецки, чтобы это вошло в общество: «Mein fürnemen ist hier zu erklären, was ein arzet sein sol, und das auf teutsch, damit das in die gemain gebracht werde»; цит. по (WEIMAR 1989: 15).

Свой немецкий он оценивал как «местное наречие», «язык по рождению и местности», «язык жителя Швейцарии, который говорит на местном языке»:

Ich habe <...> den Artzetten ein begnügen gethon, umb die anderen ist mir kayn sorg, ich hab <...> ein ländtlichen spruch geführt, das mich kayner Rhetorick noch subtiliteten berümen kan, sonder nach der zungen meiner geburt, und landssprachen, der ich bin von

Ainsidlen, des lands ein Schweytzer, soll mir mein lendtlich sprach niemandts verargen (PARACELUS 1922: 917).

В своих работах он обосновывает переход на немецкий прежде всего общенаучными задачами, доказывая, что развитие науки и медицины не стоит на месте и связано с появлением новых болезней, с уточнением причин и форм заболеваний, объяснение которых не всегда возможно на устаревшей латыни, не способной полно и адекватно передать новые понятия, другими словами, по мнению Парацельса, назрела необходимость в создании терминологии на немецком языке.

Доброжелательно настроенные современники сравнивали деятельность Парацельса с деятельностью Лютера, так как подобно Лютеру в религии Парацельс стал великим реформатором в отрасли медицинской практики и теории.

Благодаря своим многочисленным путешествиям он собрал много полезных сведений, причем не только от врачей, хирургов и алхимиков, но и из общения с простым народом. Кредо его жизни и деятельности заключены в словах, ставших крылатыми:

Одни только книги еще никого не сделали врачом. Медицина есть искусство, требующее практики. Разве можно стать великим полководцем, прочитав Ливия? Я вошел в храм знания не через парадную дверь, а через дверь природы. Ее свет, а не аптекарский фонарь освещал мой путь (BENZENHÖFER 2003).

Критика традиционных латинских терминов и выражений и создание собственных новых номинаций являются частью его постоянной деятельности по формированию новаторского языка. Парацельс трансформирует традицию, отвергая канонический авторитет древних языков, поскольку, по его мнению, болезни, как и средства их лечения, не только подвержены времени, но имеют и региональные особенности, поэтому номинация болезни и описание ее симптомов, как и лечение не являются универсальными. Большое значение для врача, по мнению Парацельса, должна иметь народная симптоматика, при описании которой он противопоставляет язык врача и язык пациента. Включая язык пациента в описание симптомов болезни, он использует идиомы и пословицы, т. е. формы устно сохраненных знаний, устоявшиеся элементы устной традиции. Для этой цели Парацельс адапти-

рует специальные понятия на родном языке как с семантической, так и с грамматической точки зрения, подбирая синонимы, и с их помощью описывает латинские и греческие термины. Парацельс не только онемечивает иностранные корни (*praeparieren* < лат. *praeparare*, *operieren* < лат. *operare*, *abstinentz* < лат. *abstinentia*), но и создает целый ряд сложных слов: *Bleipflaster*, *Brandsalbe*, *Kriegswunde*, *Scheidewasser*, *Blut-*, *Frauen-*, *Erb-*, *Geistes-*, *Seelen-*, *Fuß-*, *Leber-*, *Zahnkrankheit* и др. (WEINMANN 1963; TELLE 1981).

Парацельс переводит латинские названия и / или дает им латинско-немецкое двойное наименование. Такой стилистический прием мог преследовать различные цели. С одной стороны, его можно связать с варьированием синонимов для описания и интерпретации, уточнения и унификации. С другой стороны, Парацельс использует этот прием, чтобы обрисовать сложный умозрительный процесс, своего рода, повторение как *amplificatio* или кульминацию в риторике. Наиболее распространенными повторами в его речи являются двухчастные, рифмованные, восходящие к устной традиции «*Zwillingsformen*», типичные в тот период и для языка права: *zwilich und trilich* (SUDHOFF 1922, I: 152), *der nieren lieb und leid* (*ibid.*: 73), *die natur der irdischen ding beschreiben und erkennen* (*ibid.*: 37).

Особый интерес представляет своего рода сопоставление латинского термина и его немецкого эквивалента, «двойная формула» типа: *ein zeug und ein materia* (*ibid.*: 33); *mit kreften und virtutibus*; (*ibid.*: 499); *mit was fug und bilicher concordanz* (*ibid.*: 84), *alle planeten haben im menschen ir gleich ansehung und signatur* (*ibid.*, II: 164); *nach irem bedünken, consilia, opiniones* (*ibid.*: 169). Подобные формульные единицы выполняли функцию «более точного и универсального определения некоторых терминов» (ADMONI 1990: 143) и служили для конкретизации относительно абстрактного высказывания.

Парацельс остается ученым своей эпохи, интегрируя в свои тексты латинские заголовки и подзаголовки, цитаты своих предшественников, использует немецко-латинские парные формулы, создавая свои произведения в русле традиций ученой письменной культуры. Немецкий язык Парацельса во-многом имел латинскую основу. Из латинского он заимствует не только

лексику, но и некоторые грамматические конструкции, например, *accusativus cum infinitivo*, причастные и инфинитивные обороты и др. В работах Парацельса сохранились записи его лекций и консультаций, в которых совмещены два языка: язык его практически ориентированных работ и лекций — немецкий, в то время как язык теоретических трактатов часто оценивают как смешение немецкого и латинского (*deutsch-lateinische Mischsprache*) или «*Fachwerksprache*», подразумевая смешение языков, которое характеризуется тем, что менее фиксированный, просторечный или разговорный язык соединялся с образцами известной специализированной лексики. На основе «двуязычия» говорящего и слушателей немецкий язык приобретает здесь особую регулируемую смешанную форму. Латинские части, вставленные в текст как каркас, относятся к научной культуре, немецкие — к повседневным и опытным знаниям, например:

Ich sag das nacta sei apostema immaturum, das da kompt aus den mestrualischen flüssen, so die selbig durch salem plumosum, dem nach in ein coagulation gezogen, aus der selbigen in resolutionem (SUDHOFF 1922, I: 250f.).

Здесь в описании процесса образования болезни на немецком языке использованы в основном предикаты и обстоятельства, а симптомы и причины названы латинскими терминами: *Apostema immaturum* ‘незрелая язва’, *sal plumosum* ‘пернатая соль’, *coagulation* ‘свертывание’, *resolutio* ‘разрешение’.

Немецкий язык Парацельса неоднозначно оценивался как его современниками, так и последующими исследователями. Признавая мощь его языка (*Sprachmächtigkeit*) и поэтическую красоту его работ, исследователи отмечают и полностью непонятные пассажи (TELLE 1981: 78–83, 94–100). Парацельс понимал, что его язык «полосатый» («*gestrifelt, gestreifelt*»), как его называли в позднем Средневековье. Значительная часть работ Парацельса написана на немецком языке или на смеси двух языков, например, *Septem Defensiones: Verantwortung über etliche Verunglimpfung seiner Mißgönner u Practica, Große Wundartzney*. Названия глав также часто написаны на латыни. По словам М. Гизеке, Парацельс сформулировал программу соединения теоретических знаний латинской традиции с практическими знаниями

народного языка, «ремесленной традиции» (Werkstattwissen), соединяя scientia и kunst, которые относятся к двум совершенно разным не взаимодействующим мирам, взаимодействие которых произойдет лишь в XVII в. (GIESECKE 1992: 102–105).

Смешанный, «фахверковый» стиль Парацельса представляет собой особую форму двуязычия, так называемую внутреннюю языковую диглоссию, под которой понимают иерархически организованный и функционально разделенный билингвизм на одном языке (WEINREICH 1977: 20–22). Диглоссия означает сосуществование двух языков в сообществе, когда на них говорят в разных регионах или в разных социальных группах или институтах. В северной Германии со времен Реформации существовала диглоссия нижненемецкого и верхненемецкого письменного языка, в Базеле XVI в. — диглоссия латыни и диалектно окрашенного немецкого. Латынь ассоциируется здесь с многовековой традицией и всеобщим европейским сообществом ученых, тогда как немецкий — это язык города и сельских жителей. Парацельс пытается соединить две культуры, смешивая их в языке и одновременно подчеркивая их контрасты.

4. Немецкий vs французский?

Многие исследователи справедливо обвиняют немецких гуманистов в преобладающем использовании ими латыни, что, наряду с их филолого-историческим изучением античности, усиливало пренебрежение к просторечию — Volkssprache. Косвенным следствием этого стал и тот факт, что благодаря широкому культурному влиянию Франции со второй половины XVII в. в академической сфере французский язык стал вторым *lingua franca*, конкурирующим с латынью и немецким, и смог значительно расширить свое культурное доминирование и распространить его на немецкоязычные страны (PAULSEN 1896: 433–436; PAULSEN & LENMANN 1919). Протестное движение не заставило себя долго ждать.

В День Реформации 16 (31) октября 1687 г. тридцатидвухлетний доктор права Кристиан Томазий (Томазиус), до этого момента полностью подчинявшийся существовавшему со времен Средневековья обычаю использовать латинский язык в устной и письменной речи в университете, без согласования с уни-

верситетским начальством, подобно Лютеру, прикрепил на портале университетской церкви объявление о лекции на немецком языке в Лейпцигском университете следующего содержания:

Christian Thomas / eröffnet / Der / Studirenden Jugend / zu Leipzig / in einem Discours / Welcher Gestalt man denen Frantzo= / sen in gemeinem Leben und Wandel nach= / ahmen solle? / ein COLLEGIUM / über des GRATIANS / Grund= Reguln, / Vernünftig, klug und artig zu leben, / zufinden / bey Moritz George Weideman (DÜFFEL 1970: 5).

На это историческое событие традиционно указывают в монографиях и учебниках по истории немецкого языка, например, Веллс отмечает, что Томазий выступал за реформу немецких университетов, используя при этом на лекциях не только немецкий язык, но и облачался в немецкую одежду (WELLS 1990: 290).

Так называемая «Немецкая программа» («ein deutsch Programm») Томазия — это не только борьба за закрепление немецкого языка в университетском образовании, но конфронтация с принятыми нормами и требование радикальных изменений в функционировании университета как академического учреждения. Томазий представил свой идеал учености (Gelehrtenideal), образцом которого для него были основанные на свободах французские университеты, которые он хотел перенести в Германию:

Es giebt ja noch in Deutschland gelehrte Leute / aber nicht so häufig als in Frankreich / weil sich sehr viel von denen unserigen auff die Abstractiones Metaphysicas derer Schullehrer befließen / (durch welche man weder dem gemeinen besten was nutzt / noch seiner Seelen Seeligkeit befördert / und bey weltklugen Leuten mehr verhasst als beliebt sich machet /) oder die nöthigen Wissenschaften nur obenhin und ohne gründlichen Verstand wie die Nonnen den Psalter lernen (DÜFFEL 1970: 45).

Томазий выступал не только против сухой, далекой от практики, схематичной и некритичной книжной учености (Buchgelehrsamkeit), он хотел изменить восходящее к Средневековью содержание обучения, базирующее на авторитете Аристотеля и схоластической философии. Провозглашая новое общественное назначение ученого и науки, он считал, что главным принципом

должен стать не авторитет предшественников, а принцип целесообразности (*Nützlichkeitsprinzip*), который строится на самостоятельности мышления ученого, устраняет предрассудки и помогает интегрировать науку в общество. Замена схоластической науки на принцип целесообразности вела к устранению латыни и использованию живых языков не только в науке, но и в церкви; ср. (*ibid.*: 459) и должна была в конечном итоге освободить университеты от влияния государства и церкви. Необходимо исключить латынь из академической сферы, так как она препятствует молодым людям овладеть немецким языком:

Man solte das Latein nur darumb abschaffen / weil es junge Leute hindert / daß sie nicht recht Deutsch lernen /geschweige daß so lange wir uns mit der Pabsts-Sprache schleppen / wir des Pabsts arme Leute bleiben / und das Papbstthum überm Halse behalten in secula seculorum (*ibid.*: 108).

Томазий предлагает «живые», немецкий и/или французский языки, в качестве языков науки:

Warum solte es nicht angehen / daß man durch Hülffe der Teutschen und Frantzösischen Sprache / welche letztere fast bey uns naturalisiret worden / Leute / die sonst einen guten natürlichen Verstand haben / in kurtzer Zeit viel weiter in der Gelehrsamkeit brächte / als daß man sie erst so viel Jahre mit dem Lateinischen placket. Sprachen sind wohl Zierrathen eines Gelehrten / aber an sich selbst machen sie niemand gelehrt (*ibid.*: 29).

И здесь вновь возникает вопрос, который в большей или меньшей мере затрагивал и Парацельс: «Следует преподавать науку на универсальном иностранном языке или на родном?» (PÖRKSEN 1983: 7; PÖRKSEN 2020). Дискуссия о смене языка преподавания в этот период была уже и дискуссией о том, «в какой социальной среде должна развиваться и распространяться наука» (PÖRKSEN 2020: 5), и одновременно, как пишет Перксен, «сознательной провокацией», направленной «против окаменелости традиции и ее передачи в консервативном латинском каноне» (*ibid.*: 7). Другими словами, при смене одного языка на другой (латинского на немецкий или французский) возникал глобальный вопрос, который затрагивал социально значимую структуру общества и переопределение образовательной мис-

сии университета. Речь шла не только и не сколько о языке, но о разных культурах и общественных сферах, о разделении сфер влияния между университетом и городом, о распространении науки в обществе (ibid: 6), поскольку

Der wissenschaftliche Sprachgebrauch ist der institutionalisierte, ver-gegenständlichte Teil einer gesellschaftlichen Vereinbarung darüber, was als Wissenschaft zugelassen wird. Sein Wandel ist immer auch Teil einer sich wandelnden sozialen Konvention, der Übergang zu einem neuen Sprachgebrauch zieht neue Ansichten von einem Gegenstandsbereich und ein neues soziales Umfeld nach sich (PÖRKSEN 1994: 19).

Использование научного языка — это институционализированная, объективированная часть социального соглашения о том, что признается наукой. Его изменение всегда также является частью меняющейся социальной конвенции; переход к новому использованию языка влечет за собой новые взгляды на предметную область и новую социальную среду.

Латино-немецкое, равно как франко-немецкое двуязычие немецких ученых в это время является лингвосоциологическим фактом, говорящим в пользу того, что в истории немецкого языка, литературы и науки необходимо учитывать и научную литературу, написанную на разных языках. Во многих случаях существовали немецкие и латинские версии научных трудов, по крайней мере, устный дидактический немецкий вариант латинской научной терминологии, многочисленные переводы античных авторов и авторов эпохи Возрождения на немецкий язык, а также работы немецких ученых на латыни, имевшие наднациональное значение (KÜHLMANN 1989). Все это в значительной степени способствовало развитию немецкой специализированной лексики, образованию немецких заимствованных слов и типов научных текстов, а также влиянию научного языка на обычный язык (HODERMAN 1891; PÖRKSEN 1983; PRINZ 2021b). В XVII и XVIII вв. в дискуссию о пользе использования немецкого языка (*gemein deutsch*) в науке и университетском образовании включают еще и патриотические, социально-политические и конфессиональные мотивы, которые особенно громко звучали у Кристиана Вольфа и его соратников (WEIMAR 1989).

5. Выводы

Примеры Парацельса, Томазия и других ученых, не побоявшихся читать лекции на немецком языке, стали важными прецедентами в истории немецкого языка и общества, но прошло еще несколько десятилетий, прежде чем в середине XVIII в. немецкий язык заменил латынь в протестантских университетах. К концу столетия этот языковой переход в значительной мере распространился и на католические университеты. В общей сложности переход академической сферы на немецкий язык занял около 300 лет. Процесс постепенного осознания немецкого языка как языка образования и науки имел свою специфику, ибо «существенной предпосылкой развития национальных языков является национализация письменной публичной речи», а постепенному вытеснению латыни способствовала «национализация и секуляризация просвещения в нарождающемся буржуазном обществе». Это приводит к тому, что национальные языки утверждаются в правовой коммуникации, в образовании, науке, а в протестантских странах, в том числе и в религии (ЖИРМУНСКИЙ 1956: 52). В связи с этим важным представляется замечание Ю. Шиве о том, что переход наук с латыни на национальный язык в первую очередь касается не языка, а «обмена двумя стилями мышления» («Austausch zweier Denkstile») (SCHIEWE 1996). Тот факт, что языковое оформление всей науки изначально происходило на латинском, означает, что латынь, вошедшая в немецкий языковой корпус, поддерживала двуязычие в науке и образовании и через эти структуры напоминала о сфере науки, ее авторитете и ее истоках. И здесь уместным представляется высказывание Ю. Шоттеля (1648):

Auf die Enderung der Sprache folget eine Enderung der Sitten. Verenderte Sitten pflegen gemeiniglich das gemeine Leben also zu enderen, daß Unglück und Untergang auf dem fusse daher folget (KOLDEWEY 1900).

Список литературы / Zitierte Literatur / References

- Баева Г. А. Мультимодальный контент первых учебных пособий по обучению немецкому языку // Немецкая филология в Санкт-Петербургском университете. 2022. Т. 12. С. 347—377. [Baeva, Galina A. (2022) Mul'timodal'nyy kontent pervykh uchebnykh

- posobiy po obucheniyu nemetskому yazyku (Multimodal Content of the First German Language Teaching Manuals). *Nemetskaya filologiya v Sankt-Peterburgskom universitete* (German Philology in Saint Petersburg University), 12, 347—377. (In Russian)].
- Бурмакина Н. Г. Жанр лекции и его культурно обусловленная маркированность // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Филология. 2013. № 1. Т. 1. С. 185—191. [Burmakina, Natalya G. (2013) Zhanr lektzii i yego kul'turno obuslovlennaya markirovannost' (Lecture Genre and its Culturally Conditioned Markedness). *Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin, Philology*, 1, vol. 1, 185—191). (In Russian)].
- Гухман М. М., Семенюк Н. Н., Бабенко Н. С. История немецкого литературного языка XVI—XVIII вв. М.: Наука, 1984. [Gukhman, Mirra M., Semenyuk, Natalya N., Babenko, Natalya S. (1984) *Istoriya nemetskogo literaturnogo yazyka XVI—XVIII vv.* (History of the German Literary Language of the 16th—18th centuries). Moscow: Nauka. (In Russian)].
- Жирмунский В. М. История немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1956. [Zhirmunskiy, Viktor M. (1956) *Istoriya nemetskogo yazyka* (History of the German language). Moscow: Foreign Literature Publishing House. (In Russian)].
- Таланина А. А. Жанр лекции в учебно-научном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет, 2021. [Talanina, Aleksandra A. (2021) *Zhanr lektzii v uchebnonauchnom diskurse* (Lecture Genre in Educational and Scientific Discourse). PhD thesis in Philology. Arkhangel'sk: Northern Federal University. (In Russian)].
- Таценко Т. Н. Реформация и начальное образование в немецких городах XVI века // Городская культура. Средневековье и начало Нового времени / ред. В. И. Рутенбург. Л.: Наука, 1986. [Tatsenko, Tamara N. (1986) *Reformatsiya i nachal'noye obrazovaniye v nemetskikh gorodakh XVI veka* (Reformation and Primary Education in German Cities of the 16th century). In: Rutenberg, Viktor I. *Gorodskaya kul'tura. Srednevekov'ye i nachalo Novogo vremeni* (Urban Culture. Middle Ages and Early Modern Times). Leningrad: Nauka. (In Russian)].
- Adelung, Johann Christoph. (1780) *Versuch eines vollständigen grammatisch-kritischen Wörterbuches der hochdeutschen Mundart*. Bd. IV. Leipzig: Breitkopf.
- Admoni, Wladimir G. (1990) *Historische Syntax des Deutschen*. Tübingen: Niemeyer.

- Apel, Hans Jürgen. (1999) *Die Vorlesung. Einführung in eine akademische Lehrform*. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.
- Benzenhöfer, Udo. (2003) *Paracelsus*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt TB.
- Berthold von Regensburg. (1862) *Vollständige Ausgabe seiner Predigten mit Anmerkung und Wörterbuch*. Bd. III. Wien: Franz Pfeiffer.
- Bruning, Jens. (2011) Vorlesungsverzeichnisse. In: Rasche, Ulrich. (ed.) *Quellen zur frühneuzeitlichen Universitätsgeschichte. Typen, Bestände, Forschungsperspektiven*. Wiesbaden: Harrasowitz, 269—292. (Wolfenbütteler Forschungen 128)
- Clark, William. (2006) *Academic Charisma and the Origins of the Research University*. Chicago, London: The University of Chicago Press.
- Düffel, Peter. (1970) (ed.) *Thomasius, Christian: Deutsche Schriften*. Stuttgart: Springer.
- Ickelsamer, Valentin. (1527) *Ein Teütsche Grammatica*. Nürnberg, 1527. In: Müller, Johannes. (1882) *Quellenschriften und Geschichte des deutschsprachlichen Unterrichts bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts*. Gotha. [Reprograph. Nachdruck. Hildesheim; New York: Olms, 1969].
- Frangk, Fabian. (1531) *Orthographia deutsch, Lernt, recht buchstäbig deutsch schreiben*. Durch M.Fabian Frangken. Wittemberg. MDXXXI; Ein Gantzley und Titel buechlin. In: Müller, Johannes. (1882) *Quellenschriften und Geschichte des deutschsprachlichen Unterrichts bis zur Mitte des 16. Jahrhunderts*. Gotha. [Reprograph. Nachdruck. Hildesheim; New York: Olms, 1969].
- Gierl, Martin. (2012) Wissenschaftssprache. In: Jaeger, Friedrich. (ed.) *Enzyklopädie der Neuzeit*. Bd. 15. Stuttgart; Weimar: Metzler, 85—93.
- Giesecke, Michael. (1992) *Sinnenwandel, Sprachwandel, Kulturwandel. Studien zur Vorgeschichte der Informationsgesellschaft*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag.
- Harms, Friedrich. (1885) *Methode des akademischen Studiums*. Leipzig: Th. Grieben.
- Heun, Carl. (1792) *Vertraute Briefe an alle edelgesinnten Jünglinge, die auf Universitäten gehen wollen*. Teil 2. Leipzig: Johann Samuel Heinsius und Sohn.
- Hodermann, Richard. (1891) *Universitätsvorlesungen in deutscher Sprache um die Wende des 17. Jahrhunderts. Eine sprachgeschichtliche Abhandlung*. Gotha: J. Schmidt.
- Horn, Ewald. (1897) *Kolleg und Honorar. Ein Beitrag zur Verfassungsgeschichte deutscher Universitäten*. München: Akademischer Verlag.
- Kaufmann, Georg. (1898) *Die Geschichte der deutschen Universitäten*. Bd. 2: Entstehung und Entwicklung der deutschen Universitäten bis zum

- Ausgang des Mittelalters. Stuttgart: Verlag der J. G. Gotta'schen Buchhandlung.
- Klein, Wolf Peter. (2010) Die deutsche Sprache in der Gelehrsamkeit der frühen Neuzeit. Von der lingua barbarica zur HauptSprache. In: Jaumann, Herbert & al. (eds) *Diskurse der Gelehrtenkultur in der Frühen Neuzeit: Ein Handbuch*. Berlin; New York: De Gruyter, 465—516.
- Kühlmann, Wilhelm. (1989) Nationalliteratur und Latinität: Zum Problem der Zweisprachigkeit in der frühneuzeitlichen Literaturbewegung Deutschlands. In: Garber, Klaus. (ed.) *Nation und Literatur im Europa der Frühen Neuzeit*. Akten des I. Internationalen Osnabrücker Kongresses zur Kulturgeschichte der Frühen Neuzeit. Tübingen: Max Niemeyer, 164—206.
- Koch, Hans-Albrecht. (2008) *Die Universität. Geschichte einer europäischen Institution*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Koldewey, Friedrich E. (1900) (ed.) *Friedens Seig. Ein Freudenspiel von Justus Georg Schottelius. 1648*. Halle a. S.: Niemeyer.
- Lorenzen, Hermann. (1957) *Martin Luther: Pädagogische Schriften*. Paderborn: Schöningh.
- Paulsen, Friedrich. (1896) *Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart. Mit besonderer Rücksicht auf den klassischen Unterricht*. Erster Band. Leipzig: Veit. [2., umgearb. und sehr erw. Aufl.]
- Paulsen, Friedrich & Lehmann, Rudolf. (1919) *Geschichte des gelehrten Unterrichts auf den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart*. Bd. 1. Leipzig: Veit. [3., erw. Aufl.]
- Polenz, Peter. (1994) *Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart*. Bd. 2: 17. und 18. Jahrhundert; Bd. 3: 19. und 20. Jahrhundert. Berlin; New York: de Gruyter.
- Pörksen, Uwe. (1983) Der Übergang vom Gelehrtenlatein zur deutschen Wissenschaftssprache. Zur frühen deutschen Fachliteratur und Fachsprache in den naturwissenschaftlichen und mathematischen Fächern. *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*, 13, 227—258.
- Pörksen, Uwe. (1994) Paracelsus als wissenschaftlicher Schriftsteller. Ist die deutsche Sachprosa eine Lehnbildung der lateinischen Schriftkultur? In: *Wissenschaftssprache und Sprachkritik. Untersuchungen zu Geschichte und Gegenwart*. Tübingen: Narr, 37—83.
- Pörksen, Uwe. (2020) Paracelsus als wissenschaftlicher Schriftsteller. Ist die deutsche Sachprosa eine Lehnbildung der lateinischen Schriftkultur? Wiederabdruck. In: Schiewe, Jürgen. (ed.) *Zur Geschichte deutscher Wissenschaftssprachen*. Berlin; Boston: de Gruyter, 233—273. (Lingua

Academica 5)

- Prinz, Michael. (2021a) „Buntschäckigte Universitätsprache“ und „gelehrt scheinender Mischmasch“. Codeswitching und language mixing in akademischen Vorlesungen der Frühen Neuzeit. In: Glaser, Elvira; Prinz, Michael & Ptashnyk, Stefaniya. (eds) *Historisches Codeswitching mit Deutsch. Multilinguale Praktiken in der Sprachgeschichte*. Berlin; Boston: de Gruyter, 303—330. (Studia Linguistica Germanica 140)
- Prinz, Michael. (2021b) Historische Vorlesungen zwischen freyem Discours und Heftmanufactur. Praktiken des Vortragens und Nachschreibens akademischer Vorlesungstexte im 18. und frühen 19. Jahrhundert. In: Klein, Wolf Peter; Schulz, Matthias & Staffeldt, Sven. (eds) *Würzburger elektronische sprachwissenschaftliche Arbeiten*, 23, 135—180.
- Schiewe, Jürgen. (1996) *Sprachenwechsel — Funktionswechsel — Austausch der Denkstile. Die Universität Freiburg zwischen Latein und Deutsch*. Tübingen: Niemeyer. (Reihe Germanistische Linguistik, 167).
- Stark, Werner. (1992) Die Formen von Kants akademischer Lehre. *Deutsche Zeitschrift für Philosophie*, 40/5, 543—562.
- Stichweh, Rudolf. (2013) *Wissenschaft, Universität, Professionen. Soziologische Analysen*. Bielefeld: transcript.
- Sudhoff, Karl. (1922) (ed.) *Paracelsus, Theophrast von Hohenheim: Sämtliche Werke*. Abt. I: Die medizinischen, naturwissenschaftlichen und naturphilosophischen Schriften. Bd. 1—2. Berlin: München: Barth.
- Telle, Joachim. (1981) Die Schreibart des Paracelsus im Urteil deutscher Fachschriftsteller des 16. und 17. Jahrhunderts. *Medizinhistorisches Journal*, 16, 78—100.
- Tholuck, August. (1853) *Das akademische Leben des siebzehnten Jahrhunderts*. Erste Abt.: Die akademischen Zustände. Halle: Eduard Anton.
- Weimann, Karl-Heinz. (1993) Sprache und Wortschatz bei Paracelsus. In: Dopsch, Heinz & al. (eds) *Paracelsus (1493—1541)*. Salzburg, 211—216.
- Weimar, Klaus. (1989) *Geschichte der deutschen Literaturwissenschaft bis zum Ende des 19. Jahrhunderts*. München: Fink.
- Weinreich, Uriel. (1977) *Sprachen in Kontakt. Ergebnisse und Probleme der Zweisprachigkeitsforschung*. München: Beck.
- Wells, Christopher J. (1990) *Deutsch: eine Sprachgeschichte bis 1945*. Tübingen: Niemeyer.
- Zedler, Johann H. (1732) *Grosses vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste*. Halle und Leipzig: Verlegt Johann Heinrich Zedler.

Galina A. Baeva
Saint Petersburg State University

To the Formation of the Text Type “Academic Lecture” in Germany

The article is devoted to the initial period (16th—17th centuries) of the formation of the German language as the language of science and university education, which replaces Latin. For many years it determined the scientific and educational discourse of Germany. Using the example of university scientists (Paracelsus, Thomasius, etc.), who were among the first to create a precedent for lecturing in a university audience in their native German, the complex and ambiguous path of transition is shown not only to a new language of instruction (German), but also to the process of transformation of public opinion about the role and purpose of education and the role of the native language in the formation of the scientific discourse of a particular science. The switch and transition from general bookish Latin erudition (Buchgelehrsamkeit) to expediency (Nützlichkeit) had objective and subjective causes, implied, among other things, an exchange of two different styles of thinking and presupposed an intermediate period (deutsch-lateinische Mischsprache), in which a mixture of languages took place: the less fixed, colloquial or conversational German was combined with examples of the known specialized Latin vocabulary. On the basis of the “bilingualism” of the speaker and his listeners, the German language in this case acquired a special, regulated mixed form. The parts written or spoken in Latin are inserted into the text as a framework and belong to the “scientific culture” (Scientia), while the text in German records everyday knowledge acquired through practical experience (Kunst). Gradually, the purely linguistic problems of the spread of the German language in the academic and scientific spheres were joined by patriotic and socio-political calls for the elevation of the German language to the level of a national language, a kind of call for the nationalization of written and oral public speech. The multifaceted and gradual transition from Latin, partly through the influence of the French language, to the German language and its spread and consolidation in the academic sphere took a total of about 300 years.

Keywords: University; lecture; scientific language; Latin; diglossia

Для цитирования:

Баева Г. А. К становлению типа текста «академическая лекция» в Германии // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2025. № XXII. С. 35—58.

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-35-58.

To cite this Article:

Baeva, Galina A. (2025) K stanovleniyu tipa teksta “akademicheskaya leksiya” v Germanii (To the Formation of the Text Type “Academic Lecture” in Germany). *Russkaya germanistika: Yezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* (Germanic Philology in Russia: Yearbook of the Russian Union of Germanists), 22, 35—58. (In Russian).

DOI: 10.47388/2782-2605/lunn2025-22-35-58.

Статья поступила в редакцию 01.05.2025; принята к публикации 30.05.2025

The article was submitted 01.05.2025; accepted for publication 30.05.2025